

мона, для него явно пошлое: «Сент-Эвремонт называет комедию вообще отдохновением великих особ, увеселением искусных и учтивых людей, а упражнением и забавою простого народа».

Понимание поэзии, хотя и упрощенно-дидактическое, но все же общественное в своем существе, проявилось и в его изложении вопроса о происхождении и древнейшем периоде поэзии. Уже в очерке истории комедии мы могли видеть, как Третьяковский выводит те или иные особенности литературы,—вплоть до ее форм, до стиля и манеры,—из данных общественных условий и общественных задач. Рисуя общую картину возникновения на земле поэзии и ее древнейшего бытия, он в широком обобщении выводит искусство из общественных потребностей; об этом говорится в статье «Мнение о начале поэзии и стихов вообще». Третьяковский и здесь осторожен или двойствен; он приводит без всякой критики библейские сказания и готов принять их как научные факты. Но рядом с ними он ставит другую истину, якобы не противоречащую легенде, и эта истина и является его научной концепцией. Поэзия, говорит он, родилась у древнейших пастухов, но стихи как особая форма поэтической речи есть функция организованного общества, уже построенного на неравенстве, на преобладании одних над другими. По его мнению, когда люди стали устраивать общество—государство, надо было «всех преклонить... к оставлению особенного пребывания, показав им знатнейшую пользу в общем сожитии». Для этого потребно было слово, притом и сильное и сладостное вместе. Так родилось стихотворство—в устах первых «уставоположников» и из потребностей общества. Затем—общества развились, возникли города, установилось различие социальных состояний. Во главе обществ стали священники, выступавшие как властители; для укрепления своей власти они должны были всем отличаться от массы, в том числе и словом: «С одной стороны, величество превозвешаемого и превозносимого ими невиданного существа, а с другой—их собственное честолюбие... приводили их к тому». Так развилась в обществе стихотворная поэзия как священная речь власти, орудие ее, как культовая речь и политическая функция. Во всем этом построении опять примечательно восприятие и толкование поэзии как непременно общественного, государственного проявления. Таким же образом Третьяковский пытается реалистически, в духе евримеризма, истолковать мифологию в той же работе: «Повествуют, что поэзию изобрел некто македонянин, именем Пиерид, и оной дочерей своих обучил, а за сие отцем назван муз, называемых от его имени Пиеридскими или Пиеридовнами. Но кто он, о сем точно неизвестно. Может быть, что он токмо в большее употребление ввел поэзию в Македонии и воспевал с дочерьми своими, ходя по улицам, какие-нибудь песни, сочиненные стихами, наподобие французских водевилей».